

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[207]
ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(138)

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т :

академик РАО, д.и.н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);
д.и.н., проф. Н. С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородин;
д.и.н., проф. А. Г. Голиков; д.и.н., проф. С. В. Девятов;
д.и.н. О. Е. Казьмина; д.и.н. А. Р. Канторович;
гл.н.с., д.и.н. Л. В. Кошман; Н. В. Литвина; д.и.н., проф. Г. Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С. В. Мироненко; к.э.н. С. В. Орлов;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Е. И. Пивовар;
д.и.н. А. В. Подосинов; д.филол.н., проф. О. В. Раевская;
к.и.н. Ю. Н. Роголев; д.и.н. С. Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В. В. Седов;
д.э.н., проф. В. В. Симонов; к.и.н. О. В. Солопова;
к.и.н. А. А. Талызина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Д. А. Андреев

**Самодержавие
на переломе:
1894 год в истории
династии и власти**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 94(47)"1894"
ББК 63.3(2)5
А 655

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 22 декабря 2021 г. (протокол № 7)

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,
профессор *С. В. Мироненко* (МГУ имени М. В. Ломоносова)
доктор исторических наук, доцент *И. Е. Барыкина* (Ленинградский
областной институт развития образования, РГПУ им. А. И. Герцена)

Андреев Д. А.

А 655 Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии
и власти / Д. А. Андреев. – СПб.: Алетейя, 2022. – 234 с. – (Труды
исторического факультета МГУ. Вып. 207. Сер. II: Исторические
исследования, 138).

ISBN 978-5-00165-399-8

В книге рассматривается время, названное автором «длинным 1894-м годом» Российской империи. Этот период начинается с середины января 1894 г., когда из-за тяжелого заболевания Александр III не мог принимать министерские доклады и наследнику цесаревичу Николаю было поручено ознакомиться с ними, то есть впервые взяться за выполнение этой исключительно царской миссии. Завершается «длинный 1894-й» второй половиной января – началом февраля 1895 г. В те дни, после выступления Николая II 17 января в Зимнем дворце перед депутациями, четко определился неясный прежде его идеологический курс. На протяжении этого «длинного года» не только произошла смена верховной власти, но также имели место другие значимые события: согласие принцессы Алисы Гессенской на замужество с наследником цесаревичем, их помолвка, а после вступления на престол Николая II – бракосочетание, первые кадровые решения нового государя, попытки либеральной общественности повлиять на него и возвратиться к ориентирам деда – императора Александра II. Книга рассчитана как на специалистов, так и в целом на широкую читательскую аудиторию.

*В оформлении обложки использована картина Михаила Зичи
«Приезд принцессы Алисы Гессенской в Ливадию 10 октября 1894 г.»*

УДК 94(47)"1894"
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-00165-399-8

9 785001 653998

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа»
в российских и международных сервисах книгоиздательской
продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Д. А. Андреев, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Благодарности

Эта книга явилась одним из результатов исследования, которым я занимаюсь с 2001 г. В его осуществлении мне помогали и продолжают помогать люди, которым я выражаю искреннюю и сердечную благодарность. Прежде всего – ушедшей из жизни Ларисе Георгиевне Захаровой, предложившей мне заняться изучением проблематики взаимоотношений самодержавия и высшей бюрократии с начала царствования Николая II и до реформ 1905–1906 гг. И ныне здравствующим коллегам (указываю по алфавиту фамилий): Белле Давыдовне Гальпериной (за рекомендации по поиску документов в РГИА), Андрею Валентиновичу Мамонову (за высокопрофессиональное, заинтересованное и благорасположенное редактирование моих статей), Сергею Владимировичу Мироненко (за приглашение участвовать в проекте издания дневников последнего российского императора, а также за консультации и поддержку во время его осуществления), Зинаиде Ивановне Перегудовой (за совместную работу по подготовке к изданию дневников Николая II и за многочисленные ценнейшие советы, данные мне в процессе реализации этого многолетнего дела), Марине Викторовне Сидоровой и Анне Николаевне Сидоровой (за неоценимые архивоведческие и археографические советы).

Автор

Введение

Историческая периодизация нередко не совпадает с периодизацией хронологической. Общепринятыми уже являются понятия «длинного XIX века» (от Французской революции и до Первой мировой войны) и «короткого XX века» (от Первой мировой войны и до распада Восточного блока и Советского Союза). Несколько менее распространенным, но в целом употребляемым является концепт «длинного XVIII века» (от завершения Тридцатилетней войны, создавшей фактически новую Европу, и до все той же самой Французской революции, но только не в смысле привнесенных ею политических новаций, а в контексте порожденных этим событием Наполеоновских войн).

Приведенные примеры относятся к общеевропейской – а значит, во многом и к общемировой – истории. Однако и у каждой отдельно взятой страны есть свои особенные временные отрезки, которые правильнее рассматривать в качестве цельных, неделимых, не привязываемых к обычному летоисчислению. Если говорить о российской истории, примером такого особого года является, безусловно, переломный 1917-й, который можно воспринимать в двух видах: и как восьмимесячный переход от Февраля к Октябрю, и как несколько более продолжительный отрезок времени – от падения самодержавия до разгона Учредительного собрания, то есть от прекращения существования одной легитимности и до отказа от легитимности в принципе в традиционном (на тот момент) ее понимании.

Таким же особым, не совпадающим со своими календарными границами, стал для России и год 1894-й. В этом году неожиданно завершилось царствование Александра III и наступила эпоха последнего российского императора Николая II. Однако переломным, переходным моментом следует считать не только 20 октября 1894 г. – день кончины Александра III, – но гораздо более продолжительный период. Его

начальным моментом можно назвать вторую половину января 1894 г., когда император заболел тяжелой простудой. У него несколько дней держалась высокая температура, и он не мог работать с поступавшими документами. И тогда наследник цесаревич Николай Александрович был впервые допущен до чтения министерских докладов, то есть попробовал себя в качестве первого лица государства. Завершающая веха этого периода наступила ровно через год, во второй половине января 1895 г., когда после выступления Николая II 17 января в Зимнем дворце перед депутациями стало понятным политическое кредо нового монарха и четко обозначилась поляризация общества, принявшая спустя несколько лет фатальные для самодержавия масштабы, приведшая к политическому кризису 1905–1906 гг. и прекращению существования самодержавия де-юре, а затем, почти через одиннадцать лет, и де-факто.

Таким образом, время со второй половины января 1894 г. до примерно конца января 1895 г. правомерно – по аналогии с указанными выше «длинными веками» – считать «длинным 1894-м годом» Российской империи, цельным и завершенным периодом ее истории, в который произошла последняя передача верховной власти от одного императора к другому и обозначилась политическая индивидуальность нового суверена. События этого периода, относившиеся к политической истории, к происходившему в династии Романовых и во власти, так или иначе освещаются во многих работах. Поэтому имеет смысл разобрать лишь некоторые из них – наиболее принципиальные и затрагивающие как можно больше проблем.

Первым опытом изучения событий 1894 – начала 1895 г. можно считать изданный в эмиграции труд С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II». Этот временной отрезок протяженностью в один год, но не совпадающий строго с календарными рамками 1894 г., не рассматривался историком как некий цельный период. С. С. Ольденбург в качестве не мемуариста, а именно исследователя проанализировал некоторые факты последних месяцев царствования Александра III и начала правления Николая II.

Историк подчеркивал, что наследник вплоть до своего восшествия на престол оставался для общественности совершенно неизвестной фигурой. С. С. Ольденбург называл его подготовку для исполнения

державной миссии «тщательной и планомерной», но считал ее незавершенной из-за «ранней смерти» отца. Именно поэтому на момент ухода из жизни Александра III его старший сын не разбирался в «высших государственных делах», а недостаточную квалификацию восполнял после воцарения «из докладов своих министров». Ниже показано, что некорректно связывать завершенность подготовки Николая как наследника и относительно скоропостижную кончину его отца, которую уж точно никак нельзя назвать «ранней». Точно так же вряд ли правильно считать, что молодой государь «доучивался» на министерских докладах.

Вместе с тем исследователь обратил внимание на личностные качества Николая II, которые после него не упоминались историками (в том числе зарубежными и значительным числом эмигрантских) несколько десятилетий, вплоть до наступления постсоветского времени, поскольку не соответствовали пропагандистским штампам, сформированным в ходе борьбы широкого диапазона оппозиционных сил с самодержавием. В частности, С. С. Ольденбург свидетельствовал о ярко выраженном у последнего императора чувстве личной ответственности за свое царское служение, о его «живом уме» и «исключительной памяти». Автор объяснял нелюбовь императора к неприятным прямым разговорам с министрами и обычное принятие решений об их отстранении от должностей без личного информирования об этом отставляемых тем, что государь стремился всячески «позолотить пилюлю», оказывая освобождавшимся от должностей те или иные «внешние знаки милости» в качестве компенсации. К тому же «деловое расхождение» с высоким чиновником, завершившееся отставкой последнего, не означало для императора «личного нерасположения» к нему. Проявлением сильной воли Николая II историк считал его упорное противостояние родительским планам устроить его женитьбу по их усмотрению до тех пор, пока Александр III и Мария Федоровна не согласились на брак наследника с принцессой Алисой Гессенской.

Подчеркивая влияние на молодого государя в первое время нового царствования его учителя К. П. Победоносцева, С. С. Ольденбург не был склонен преувеличивать такое воздействие; правда, делал соответствующий вывод с опорой всего на два не вполне объективных источника. Гораздо более важное замечание историка касается первых

контактов Николая II, уже императора, с представителями высшей бюрократии. В ходе этого общения молодой государь продемонстрировал свою осведомленность в основных вопросах государственной жизни. В книге отмечается свойственная монарху в начальное время царствования гораздо более открытая, нежели у его отца, манера вести себя на публике. Из первых кадровых решений автор описывал две отставки – И. В. Гурко с должностей варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа (по версии историка – с оговоркой, что это предположение непроверенное, – за попытку надавить на императора) и А. К. Кривошеина с поста министра путей сообщения (из-за подозрений в его коррумпированности; сын первого отставника – В. И. Гурко, знавший обстоятельства этого дела, – в эмиграции рассказал С. С. Ольденбургу, что сам Кривошеин не ведал о тех махинациях, которые вершились за его спиной).

Автор абсолютно убежден в том, что направлявшиеся на высочайшее имя земские адреса, по поводу которых Николай II произнес 17 января 1895 г. свою знаменитую фразу о «бесмысленных мечтаниях», имели конечной целью вовсе не защиту от административного произвола, как это пытались выставить их авторы, а именно конституционалистскую перспективу (об этом подробнее говорится ниже, в соответствующей части настоящего исследования). С. С. Ольденбург фиксировал негативную реакцию на царскую речь со стороны большинства «образованного общества», сообщал о слухах, приписывавших ее авторство Победоносцеву или министру внутренних дел И. Н. Дурново. Но главное, историк воспринимал выступление Николая II перед депутациями именно как рубежное для его царствования, причем не столько в плане четкого обозначения им идеологии собственного правления (хотя и об этом тоже говорится в книге: автор называет речь «актом политической честности»), сколько в смысле начала «нового роста революционной агитации»¹.

В советской историографии первым опытом не пропагандистского, а научного обращения к начальному периоду эпохи Николая II стала монография П. А. Зайончковского «Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов)».

¹ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 34–37, 42–47.

В ней автор, ссылаясь на дневники В. Н. Ламздорфа, А. А. Половцова и вел. кн. Константина Константиновича, а также на памфлет В. П. Обнинского «Последний самодержец», описывает жизнь наследника незадолго до его вступления на престол. Указанные источники (кроме, разве что, замечания великого князя) предопределяют и оценочные суждения историка. Исследователь считает, что идейная направленность царской речи 17 января 1895 г. явилась результатом длительного воздействия на цесаревича со стороны издателя-редактора «Гражданина» В. П. Мещерского¹.

В статье «Кризис самодержавия накануне революции 1905 года» Л. Г. Захарова ведет изложение событий начавшегося в октябре 1894 г. нового царствования с речи Николая II 17 января 1895 г. Исследовательница называет ее автором Победоносцева и считает, что обер-прокурор вложил в подготовленный для молодого государя текст тот же смысл, что и в составленный им в 1881 г. Манифест о неизбежности самодержавия. Далее рассматривается либеральная реакция на царское выступление, в том числе «Открытое письмо к Николаю II». Л. Г. Захарова считает, что Победоносцев в начале правления Николая II играл при монархе «роль советчика и ментора», но из контекста статьи следует, что автор ограничивает время подобной миссии обер-прокурора 1895–1896 гг. Именно в это время, как отмечает историк, Победоносцев «периодически» упоминается в дневнике государя².

Очень конспективно события 1894 – начала 1895 г. освещаются в фундаментальной и во многих аспектах до сих пор не утратившей своего научного значения коллективной монографии ленинградских историков «Кризис самодержавия в России, 1895–1917». Они с отсылками преимущественно к воспоминаниям вел. кн. Александра Михайловича называют Николая II «мало подготовленным к государственной деятельности» на момент его вступления на престол. Авторы считают, что «в начале царствования» император «находился под большим влиянием своих родственников», прежде всего дядьев Алексея (он по ошибке назван Александром), Владимира и Сергея. Следует обратить внима-

¹ *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970. С. 46–48.

² *Захарова Л. Г.* Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 120, 134.

ние на сделанное исследователями уточнение: они относят склонность государя подпадать под чужое влияние именно к первому времени его правления, что на момент выхода коллективной монографии являлось, несомненно, новым словом в историографии. Что касается деятельности Николая II по возвращении из Ливадии и до начала 1895 г., то в этом вопросе авторы ограничиваются пересказом истории с подачей адресов и с выступлением царя 17 января в Зимнем дворце, а также изложением (по публикации Ю. Б. Соловьёва) записки Победоносцева о самодержавии, которая, по мнению историков, была предназначена именно для самого императора. Более того, в издании обозначается непосредственная связь между этой запиской и текстом выступления 17 января. Отдельное внимание уделяется «Открытому письму к Николаю II», написанному П. Б. Струве под впечатлением от царской речи в Зимнем дворце. Авторы коллективной монографии считают, что при вступлении на престол у Николая II не было «определенной внутриполитической программы», он двигался к ней «ощупью», испытывая на себе «влияние разных лиц», предпочитая следовать «наиболее консервативным взглядам», а из представителей высшей бюрократии монарх больше внимал советам Н. Х. Бунге, И. Н. Дурново и К. П. Победоносцева. Большое влияние на него имела и вдовствующая императрица Мария Федоровна¹.

Первая (но при этом достаточно успешная) попытка вывести рассмотрение рубежа царствований на качественно новый уровень путем привлечения новых источников была предпринята И. В. Лукояновым в его кандидатской диссертации.

Отмечая неготовность наследника к царствованию, историк тем не менее внимательно фиксирует его самостоятельность, например, поддержку «мер, шедших вразрез с общей политической доктриной отца» (соответствующее голосование в Государственном совете вопреки волеизъявлению «большинства его родственников»). Автор объясняет этот шаг «некомпетентностью» Николая Александровича, «попытками следовать здравому смыслу и желанием самостоятельно принимать решения», а также следствием влияний со стороны воспитателя цесаревича – Г. Г. Даниловича.

¹ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 21–27.

Несомненной заслугой И. В. Лукоянова является систематизация разрозненных и противоречивых сведений о «плане передачи управления страной цесаревичу» осенью 1894 г., о высказанной наследником готовности к исполнению новых для себя обязанностей. В этом же контексте упоминается и обсуждавшийся в конце сентября 1894 г. вариант учреждения при наследнике некоего ««совета четырех» с совещательными функциями». Исследователь связывает возникновение подобных задумок именно с некомпетентностью наследника, а затем и монарха. И хотя указанные консультативные проекты не получили развития, тем не менее «необходимость частых советов молодому царю была очевидна». В результате «на какое-то время основное содержание политической жизни наверху стала составлять борьба за влияние на императора», причем не столько «за конкретные решения, сколько за расстановку людей на ключевые посты».

И. В. Лукоянов анализирует попытки разных фигур воздействовать на Николая II. Автор начинает с Победоносцева. По мнению историка, если в Ливадии он не имел возможности быть причастным к принятию ключевых политических решений, то после смерти Александра III «влияние обер-прокурора пошло в гору, вероятно, не без помощи Сергея Александровича». Исследователь полагает, что период, в течение которого обер-прокурор «весьма интенсивно старался воздействовать на формирование политики» государя, продолжался до 1896 г. Но и в конце 1894 – начале 1895 г., по мнению И. В. Лукоянова, не следует преувеличивать влияние Победоносцева на Николая II, подтверждением чему является хотя бы неуверенность обер-прокурора в том, что император воспользуется именно его вариантом речи перед депутациями 17 января в Зимнем дворце.

Другой значимой фигурой в окружении молодого императора И. В. Лукоянов называет Бунге, приводя со ссылкой на одну из работ А. В. Ремнёва факт (на самом деле, не соответствовавший действительности) присутствия председателя Комитета министров на докладах других министров в начальный период нового царствования. Судя по всему, историк согласен с Н. Н. Покровским, связывавшим первую министерскую отставку Николая II – увольнение Кривошеина – с инициативой именно Бунге. Более того, автор считает, что именно вследствие исключительного почтения к Бунге со стороны государя «был

поднят престиж и вес Комитета министров, что вело к формированию объединенного правительства»¹. Последнее утверждение (а тем более его вторая часть) явно не относится ко времени середины 90-х гг. XIX в.

В 1996 г. вышла новая коллективная монография санкт-петербургских историков, в число которых вошли и авторы «Кризиса самодержавия в России, 1895–1917». По своей тематике она совпадала с изданием 1984 г., однако теперь труд охватывал гораздо больший временной промежуток. Вероятно, по этой причине история правительственной политики 1894 – начала 1895 г. излагается здесь гораздо более лаконично и ограничивается двумя сюжетами. Первый из них – это женитьба молодого государя. Авторы пишут о спорах, развернувшихся в доме Романовых после смерти Александра III по вопросу, когда устраивать свадьбу Николая II. В книге приводится выдержка из дневника императора, из которой следует, что сам он, вдовствующая императрица и «некоторые другие» хотели устроить свадьбу прямо в Ливадии. Дядя же настаивали на бракосочетании после похорон, в столице. Исследователи по этому поводу заключают: «В первом столкновении с семейной оппозицией Николай II потерпел поражение. Свадьба была отложена». Второй сюжет – выступление Николая II 17 января 1895 г. – представляет собой сокращенный вариант того, что было напечатано в «Кризисе самодержавия в России, 1895–1917», и не содержит ничего нового².

Одним из первых в постсоветской отечественной историографии на политические проблемы 1894 – начала 1895 г. в новой оптике – изнутри дома Романовых – посмотрел А. Н. Боханов. В книге, посвященной Александру III, он кратко описывает его январскую болезнь, ухудшение состояния царя летом, пребывание в охотничьих резиденциях – Беловеже и Спале, – переезд в Крым. О ливадийском периоде историк пишет несколько более подробно, затрагивая – правда, однократно и при этом без комментариев – в том числе и политические вопросы:

¹ *Лукоянов И. В.* Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX – начале XX вв. и власть (проблема правового реформаторства): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1993. С. 44–50.

² *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 395, 407–408.

он приводит фразу, брошенную императрицей «одному из врачей». Мария Федоровна считала, что вокруг нее плетутся «интриги даже в эти тяжелые минуты». А. Н. Боханов свидетельствует об обсуждении после смерти Александра III вопроса о том, когда и как следует организовать свадьбу молодого государя и его невесты. Книга завершается упоминанием о свадьбе Николая II и Александры Федоровны и превращении Марии Федоровны во вдовствующую императрицу¹.

История выступления Николая II в Зимнем дворце перед депутациями 17 января 1895 г. и реакции на нее со стороны разных сегментов общества кратко рассматривались Р. Пайпсом в написанной им биографии Петра Струве. Примечательно, что американский историк отметил (правда, без ссылок на источники) наличие в некоторых земских адресах намеков на желательность гораздо больших политических преобразований, нежели об этом говорилось прямым текстом. По его словам, в них выражались чаяния на возвращение к «реформистскому курсу» эпохи Александра II. Любопытен данный автором комментарий по поводу неконъюнктурной прямолинейности Николая II, не остановившегося перед тем, чтобы бросить открытый вызов либеральной общественности, – «не обладая политической прозорливостью, он был человеком чести». Наконец, заслуживает внимания еще одно утверждение Р. Пайпса (также не подкрепленное ссылками на источники) – о критическом отношении к царской речи даже «многих консерваторов», рассчитывавших на то, что новая власть «утвердит в стране закон и порядок», пойдет на «хотя бы частичное ограничение власти бюрократии и полиции». Что же касается самого «Открытого письма к Николаю II» Струве, то историк ограничился лишь его цитированием, указанием на анонимность опубликованного текста (и начавшиеся из-за этого попытки определить авторство) и на «широкое хождение в обществе» этого документа².

О. И. Барковец и А. Н. Крылов-Толстикевич описывают последний год жизни Александра III, ухудшение состояния его здоровья параллельно с изложением важнейших событий в жизни его семьи – замужества дочери Ксении и подготовки к свадьбе наследника.

¹ Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998. С. 454–465.

² Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870–1905. Т. 1. М., 2001. С. 224–227.

Со ссылкой на суждение из дневника вел. кн. Константина Константиновича авторы свидетельствуют о недовольстве императора и императрицы этим браком своей дочери и уже от себя добавляют, что они тем не менее не стали ей препятствовать, видя очевидную выгоду от такой партии в том, что Ксения выходила замуж не за представителя иностранной династии и оставалась в России.

Что же касалось женитьбы старшего сына, то Александр III решил ее ускорить из-за своего плохого самочувствия и, следовательно, осознания необходимости «обеспечить династическую стабильность», но принцесса Алиса Гессенская им поначалу не рассматривалась в качестве невестки. Более того, историки считают (правда, без ссылок на источники), что император для преодоления привязанности к ней Николая лично постарался расположить наследника к балерине М. Ф. Кшесинской. Однако в итоге «болезнь и тяжелые предчувствия заставили Александра III согласиться с выбором сына». Исследователи свидетельствуют о том, что накануне помолвки Николая и Алисы великие князья Владимир и Сергей вместе со своими женами, немками по происхождению, и даже сам кайзер Вильгельм II убеждали принцессу перейти в православие, поскольку именно нежелание расстаться с родной верой мешало ей согласиться на брак с наследником российского престола: «Весь предыдущий день они прибегали к мощному психологическому давлению, уговаривая девушку не упорствовать и принять предложения Николая». О. И. Барковец и А. Н. Крылов-Толстикевич приводят интерполяцию Алисы в дневнике наследника и вводят ее в контекст их взаимоотношений друг с другом¹.

Следующим шагом в изучении событий 1894 г., в частности, времени от восшествия Николая II на престол и до его выступления 17 января 1895 г. явилась статья В. Л. Степанова «Самодержец на распутье: Николай II между К. П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге». Она посвящена первым месяцам царствования молодого императора и – пунктиром – времени вплоть до начала третьеиюньского периода. Автор считает, что кончина отца «застала цесаревича врасплох» и Николай «не ощущал себя способным принять тяжкое бремя власти». При жизни Александра III участие наследника в государственных делах «ограничива-

¹ Барковец О. И., Крылов-Толстикевич А. Н. Александр III – Царь-Миротворец. СПб., 2007. С. 364–367, 370–375.

лось во многом формальным членством в высших бюрократических инстанциях». Под такими «инстанциями» исследователь подразумевает Особый комитет для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем, а также Комитет Сибирской железной дороги. В. Л. Степанов отмечает: «Николай II вступил на престол, не имея никакой определенной политической программы». Утверждение о том, что новый государь ощущал себя неподготовленным к царствованию, автор подкрепляет ссылкой на собственные слова Николая II, процитированные в воспоминаниях вел. кн. Александра Михайловича: «Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами». Из приведенных утверждений исследователь делает однозначный вывод: «В этой ситуации молодой самодержец стремился получить поддержку от лиц из своего ближайшего окружения»¹.

В этом же году вышла статья С. В. Куликова «Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы»². При этом под словом «реформатор» автор в данном случае подразумевает не сторонника развития прежде всего научно-технического и экономического, а именно преобразователя в самом широком смысле – в том числе общественно-политическом. Но в то же время автор, несомненно, не следует историографической традиции, в рамках которой применительно к эпохе XIX – начала XX в. слово «реформаторство» воспринимается упрощенно – неизбежно в связке со словом «конституция». То есть реформаторство последнего императора рассматривается именно в консервативно-либеральном ключе – как деятельность, направленная на некую трансформацию самодержавия в направлении его максимально возможной модернизации, но до каких пределов должна была простирается такая трансформация – сказать невозможно, потому что историк в подтверждение своих взглядов приводит тенденции, итоги которых являлись промежуточными. С. В. Куликов считает, что Николай II реализовывал «реформаторский проект» «консервативно-либе-

¹ *Степанов В. Л.* Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н. Х. Бунге // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение.* СПб., 2009. С. 145–168.

² *Куликов С. В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // *Российская история.* 2009. № 4. С. 45–60.

рального характера», который основывался на «политическом завещании» «видного представителя бюрократического либерализма» Бунге. Исследователь интерпретирует деятельность государя по всем направлениям внутреннего развития России именно в таком «реформаторском» ключе. Безусловно, этот взгляд является более чем спорным, однако для настоящей работы принципиально то, что, говоря о первых трех месяцах царствования Николая II, С. В. Куликов выставляет некоторые решения монарха как свидетельства его реформаторского настроя.

Среди них, например, Манифест 20 октября 1894 г., в котором император «публично идентифицировал себя как реформатора», и Манифест 14 ноября 1894 г., декларирующий государственное субсидирование Крестьянского банка на 50 млн рублей, снижение с евреев «штрафа за уклонение от воинской повинности» и амнистию наказанным за революционную деятельность. Решение по Крестьянскому банку выходит за рамки настоящей монографии, а в остальном предложенная оценка обоих указанных манифестов разобрана ниже.

В слове «хорошо», написанном на корректуре составленного при участии Бунге «Предисловия» к «Своду высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников», историк видит «зародыш» «основных положений, воплощавшихся впоследствии царем». Думается, что в данном случае нет оснований делать такое далекоидущее заключение.

Точно так же вряд ли корректно расширительно, как свидетельство реформаторского настроя императора трактовать его резолюцию на одном из губернаторских отчетов за 1894 г. в связи с организацией переселенческой политики: «Невозможно оставлять такое государственное дело в заведывании какого-то маленького отделения Земского отдела!» То, что Николай II «еще в 1894 г.» рассматривал круговую поруку как «несправедливую» и «непрактичную», не свидетельствует о какой-то его исключительной позиции: подобное мнение в правительственных верхах было к тому времени довольно широко распространенным. Как и убеждение в необходимости сократить размеры выкупных платежей, на что император, вопреки «сопротивлению Витте», «призывал “обратить внимание”» тоже с 1894 г.

С. В. Куликов пишет, что царские пометы на губернаторских отчетах (в том числе за 1894 г.) свидетельствуют о том, что отношение императора к земству «было созвучно» взгляду Бунге, ратовавшего за «расширение» сферы компетенции этих выборных учреждений, только, разумеется, без права заниматься политическими вопросами. Автор отмечает, что царь не возражал против распространения земства на губернии, в которых его по законодательству 1864 г. не было. Однако оба мнения – и о придании земству новых функций, и о введении этого института на территориях, прежде его лишенных, – в течение долгого времени обсуждались в правительственных кругах, но вопрос этот был сугубо прикладным, управленческим, но никак не окрашенным политически.

А. Ю. Полунов в монографии о Победоносцеве разбирает «политическую роль» обер-прокурора в том числе в начальный период правления Николая II. Исследователь подчеркивает, что Победоносцев не входил в круг лиц, бывших рядом с умиравшим императором в Ливадии, и поэтому являлся «сторонним наблюдателем» того, что происходило в крымской резиденции. По мнению автора, причиной, побудившей Николая II не отправлять Победоносцева в отставку, которая готовилась при покойном императоре, стало «почтение молодого монарха к своему престарелому наставнику, который к тому же был многолетним сотрудником Александра III». В свою очередь, обер-прокурор решил воспользоваться расположением со стороны Николая II и попытался вернуть себе функцию, исполнявшуюся им в начале царствования Александра III, – «доверенного советника». А. Ю. Полунов считает, что Победоносцев, «видимо», «имел непосредственное отношение» к составлению царской речи 17 января. Историк называет ее «своеобразной реинкарнацией» другого документа, написанного обер-прокурором, – Манифеста о незыблемости самодержавия¹.

Для исследования А. В. Ремнёва, посвященного Комитету министров пореформенного периода, проблематика, связанная с событиями 1894 – начала 1895 г., не является основной. Но тем не менее автор ее затрагивает.

¹ *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 295–297.

Так, например, рассматривая нюансы взаимоотношений самодержца с «правительственной властью», А. В. Ремнёв касается обоих допусков наследника к работе с государевыми бумагами – в январе и в октябре 1894 г., – ссылаясь при этом на данные из дневников В. Н. Ламздорфа, А. В. Богданович и из воспоминаний Н. А. Вельяминова. Комментируя запись из дневника Ламздорфа за 14 октября 1894 г., в которой говорится, что на бумагах, которые доставлялись из Ливадии, имелись «пометы» не в манере государя (это сообщение рассмотрено ниже), историк делает вывод: «Очевидно, эти последние делались кем-то из непосредственного окружения Александра III». Приведенные примеры нужны автору для общего заключения, что даже в подобные критические моменты императоры предпочитали «ничего не менять в структуре высших учреждений, а также не связывать себя институциональными обязательствами постоянного или регулярного участия в правительственных действиях».

А. В. Ремнёв приводит известные цитаты из дневников В. Н. Ламздорфа и А. А. Половцова, а также из воспоминаний вел. кн. Александра Михайловича, А. Н. Куломзина, И. И. Колышко, в которых Николай II характеризуется как неготовый к исполнению роли самодержца и подвластный внешним влияниям. При этом такие цитаты просто перечисляются без их контекстуализации и критического разбора, свидетельства 1894 г. перемежаются высказываниями более позднего времени. В целом верное суждение, что молодой монарх выслушивал советы великих князей, но вместе с тем «быстро стал тяготиться их покровительством», также дается без отсылок к соответствующим фактам.

Так же некритически автор, опираясь на тенденциозные высказывания А. Н. Куломзина, И. И. Колышко и С. Ю. Витте, заключает, что последний император «подозревал всякого в желании узурпировать его самодержавную власть», а поэтому не доверял министрам, предпочитал держать их «в некотором неведении и напряжении». Подобный вывод верен лишь отчасти, в отношении отдельных персон, и не может быть представлен как некий общий принцип, тем более применительно к первым месяцам царствования Николая II.

А. В. Ремнёв вслед за В. Л. Степановым пишет о «ежедневных утренних докладах» Бунге Николаю II «в первое время», но в то же время с недоверием относится к утверждению из дневника Д. А. Ми-

лютина, сделанному в декабре 1894 г., что министерские доклады делаются «в присутствии» председателя Комитета министров.

Справедлива авторская оценка, что Победоносцев в первое время нового царствования стремился исполнять «роль ментора молодого монарха», однако историю с участием обер-прокурора в подготовке царской речи 17 января 1895 г. А. В. Ремнёв не рассматривает.

Ценны отсылки исследователя к зафиксированным в дневнике А. А. Половцова и относящимся к первому месяцу правления Николая II фактам разговоров бывшего государственного секретаря с С. Ю. Витте, Н. В. Муравьевым и вел. кн. Михаилом Николаевичем о «необходимости обсуждать дела коллегиально»¹.

Эпоха Александра III через жизнеописания императора и императрицы, причем со времени до 1881 г., представлена в работе Ю. В. Кудриной. Описывая события 1894 г., исследовательница уделяет преимущественное внимание развитию болезни государя, попыткам ее лечения. Из цитируемых Ю. В. Кудриной писем Марии Федоровны к мужу, написанных во время ее поездки в Абастуман к сыну Георгию в конце весны – начале лета 1894 г., следует, что проявления простуды сохранялись у государя и спустя несколько месяцев после январской болезни. Автор обращает внимание на ухудшение состояния царя и из-за сильного переутомления от ежедневной работы с бумагами, подробно фиксирует изменения в здоровье государя с августа 1894 г. и до его кончины, цитирует отдельные официальные сообщения, в которых говорится об этом. Однако обстановка в Ливадии в последний месяц жизни императора раскрывается фрагментарно. Ю.В. Кудрина безосновательно полагает, что накануне смерти Александр III передал наследнику свое устное завещание. Вместе с тем выдержки из личных свидетельств очевидцев ухода из жизни императора и первых дней нового царствования приводятся исследовательницей в большом количестве, хотя политические вопросы при этом не рассматриваются².

Определенным продвижением вперед в изучении процессов, происходивших во власти в 1894 г., стал очерк В. М. Хрусталёва

¹ *Ремнёв А. В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 348–350, 399–406.

² *Кудрина Ю. В.* С высоты престола. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. М., 2013. С. 398–429.

«Неожиданная смерть императора Александра III». Касаясь последних недель жизни государя, историк (правда, без ссылки на воспоминания Вельяминова) утверждает, что в Ливадии «большинство поступающих бумаг» уходило наследнику, император занимался «лишь делами по дипломатическому и военному ведомствам».

Автор считает, что Александр III из-за своего плохого самочувствия торопился устроить семейную жизнь старшего сына и поэтому содействовал тому, чтобы он поехал в Кобург сделать предложение принцессе Алисе Гессенской, несмотря на ее нежелание переходить в православие. На этой поездке, даже не будучи уверенной в ее успешном исходе, настаивала и Мария Федоровна, как следует из приводимой В. М. Хрусталёвым записи из дневника вел. кн. Константина Константиновича. Исследователь подчеркивает, что в Кобург специально прибыл и кайзер Вильгельм II, стремившийся «устроить брак наследника российского престола с немецкой принцессой и боявшийся, как бы цесаревич не попал в английские сети ее бабушки, королевы Виктории». В. М. Хрусталёв разбирает слухи, исходившие в том числе от высокопоставленных лиц, о личной жизни наследника и о его взаимоотношениях с принцессой Алисой Гессенской, и считает их существенным фоном самих событий, связанных с помолвкой цесаревича. Историк контекстуализирует и интерполяцию (правда, единственную), сделанную невестой Николая Александровича в его дневнике.

Далее в очерке исследователь сразу переходит к обстоятельствам пребывания царской семьи в Ливадии в октябре 1894 г. Он пишет о бюллетенях о состоянии здоровья Александра III, о приезде в Ливадию невесты наследника, о том, как вообще складывалась жизнь в этой императорской резиденции в последние дни жизни больного государя. Автор ссылается на личные свидетельства представителей династии, обстоятельно цитирует дневник Ламздорфа, который свидетельствовал о тревожных настроениях среди представителей правительственных верхов и иностранного дипломатического корпуса.

В. М. Хрусталёв считает, что умиравший император дал наследнику устное завещание (пафосный текст, перепечатываемый в разных изданиях и выдаваемый за напутствие Александра III старшему сыну) «за два дня до кончины», при этом, правда, никак не вписывая этот разговор в хронику последних дней и часов жизни императора. Автор

показывает несостоятельность разного рода версий, опубликованных за пределами России, о якобы имевшей место династической борьбе за престолонаследие. Приводя многократно цитированный факт из воспоминаний вел. кн. Александра Михайловича о якобы имевшей место растерянности Николая II («Сандро, что я буду делать!»), историк не ставит его под сомнение, но характеризует как проявление «сиюминутной слабости», которая не помешала новому государю собраться.

Несмотря на некритическое отношение к тексту, называемому заведением Александра III, в целом В. М. Хрусталёв обстоятельно и с опорой на широкий круг источников личного происхождения рассказывает о двух важных событиях 1894 г. – помолвке наследника и пребывании императорской семьи в Ливадии в октябре¹.

В биографии Александра III, написанной А. Л. Мясниковым, не приводится каких-либо новых фактов. Для автора 1894 г. – это исключительно время болезни государя, от первого приступа в январе до кончины в октябре. Привлекают внимание разве что некоторые детали повествования. Так, касаясь замужества дочери Ксении и нерасположенности императора к будущему зятю, вел. кн. Александру Михайловичу, автор, в отличие от О. И. Барковец и А. Н. Крылова-Толстикевича, указывает источник, в котором отмечается подобное отношение Александра III к избраннику дочери, – воспоминания С. Д. Шереметева. Еще одной заслуживающей внимания деталью книги А. Л. Мясникова является вплетение в ткань построенного на свидетельствах очевидцев повествования о пребывании в Ливадии данных из бюллетеней о состоянии здоровья императора. Это создает информационную полифонию и позволяет точнее реконструировать атмосферу того времени. Наконец, сама картина кончины описывается историком предельно объективно, без обращения к сомнительным источникам наподобие завещания Александра III или слухов о борьбе за престол после его смерти².

П. В. Мультигули в своей биографии Николая II рассматривает ряд событий 1894 – начала 1895 г.

Он описывает историю знакомства наследника Николая Александровича и принцессы Алисы Гессенской и развития отношений между

¹ Хрусталёв В. М. Неожиданная смерть императора Александра III // *Он же. Тайны на крови. Триумф и трагедии дома Романовых*. М., 2014. С. 73–119.

² Мясников А. Л. Александр III. М., 2016. С. 484–501.

ними, свидетельствует о нежелании Александра III и Марии Федоровны, с одной стороны, и британской королевы Виктории, с другой стороны, видеть эту представительницу одной из германских династий невестой цесаревича. Историк свидетельствует о неготовности самой Алисы согласиться на брак с наследником российского престола из-за необходимости принять для этого православие и, напротив, об изменившейся позиции Марии Федоровны и ее расположенности к принцессе на тот момент, когда Николай сделал ей предложение весной 1894 г., а также о помолвке в Кобурге и ее восприятию в доме Романовых. При изложении этих фактов автор использует в том числе и публикации источников последних лет, что в значительной степени дополняет картину, представленную А. Н. Бохановым.

П. В. Мультигули останавливается и на том, как протекала болезнь Александра III. Говоря о январском недуге императора, исследователь отмечает, что именно тогда наследник впервые читал министерские доклады. Касаясь замужества вел. кн. Ксении Александровны летом 1894 г., историк отмечает, что император «недолюбливал» ее избранника – вел. кн. Александра Михайловича – и нехотя благословил этот брак. Думается, что это слишком важный вопрос, чтобы делать по нему выводы, опираясь только на воспоминания Витте. Нельзя согласиться с автором и в приводимых им оценках самого Александра Михайловича того времени – из начала 1930-х гг., как автора предельно тенденциозных воспоминаний. Подобная легкость в отношении фактов и их интерпретаций заставляет относиться с настороженностью и к другим выводам анализируемой работы П. В. Мультигули.

Автор перечисляет события осени 1894 г., описывая последние дни Александра III, говорит о передаче некоторых царских дел наследнику и намекает на возможность разговора-завещания между отцом и сыном с глазу на глаз в течение почти часа 20 октября и без точной привязки к дате сообщает, что перед кончиной император «в общих чертах ознакомил цесаревича с целым рядом своих важнейших внешнеполитических решений» (этот факт также не подтверждается источниками). При этом исследователь подчеркивает, что текст, называемый завещанием умиравшего Александра III и широко тиражируемый в настоящее время, «является не более чем апокрифом, авторство которого неизвестно».

Историк приводит все известные и многократно использованные в разных исследованиях цитаты из некоторых воспоминаний, в которых говорится о неготовности Николая II к царствованию, а также перечисляет факты, свидетельствующие о противоположном, и делает вывод о «совсем не ничтожном» уровне знаний и умений наследника Николая Александровича ко времени принятия на себя бремени власти. П. В. Мультатули перечисляет первые шаги молодого государя, принятие православия принцессой Алисой Гессенской и похороны Александра III. Затрагивая историю со свадьбой императора и теперь уже вел. кн. Александры Федоровны, историк подробно разбирает оценки государевой избранницы, которые впоследствии способствовали мифологизации ее образа, и спорит с С. Л. Фирсовым, некритически повторяющим приводимое в воспоминаниях В. С. Кривенко объяснение охлаждения Николая II к Ил. Ив. Воронцову-Дашкову.

Исследователь затрагивает управленческую рутину, в которую погружился новый император по возвращении из Ливадии, отмечает сразу же обозначенный им главный принцип его правления – сохранение курса отца, говорит о преемственности в том числе и в кадровой политике, кратко разбирает его первые министерские отставку и назначение, поиск кандидатуры нового российского посла в Берлине. Здесь же автор говорит и об отношениях Николая II со своими родственниками, об оказывавшемся на него влиянии со стороны великих князей, в том числе о споре вокруг места строительства нового военно-морского порта.

П. В. Мультатули предлагает свою интерпретацию политической ориентации Николая II, которая стала проявляться вскоре после его вступления на престол. Историк считает, что молодой император был склонен проводить курс, нацеленный на постепенные преобразования, вслед за В. Л. Степановым и С. В. Куликовым указывает на сильное влияние на государя со стороны его наставника Бунге, полагает, что царю было присуще «стремление создать в России выборное совещание русских людей, представляющее все слои народа и позволяющее монарху общаться с ним непосредственно, без посредничества чиновничьей бюрократии». Однако убедительных доводов, доказывающих приверженность Николая II подобным взглядам, автор не приводит.

Исследователь подчеркивает, что мировоззрение императора не имело ничего общего с парламентаризмом и конституционализмом, на

что как раз и намекали поступавшие на высочайшее имя адреса, которые, таким образом, и спровоцировали жесткий ответ монарха 17 января 1895 г. П. В. Мультипули ошибочно считает, что император писал эту речь самостоятельно и в качестве подтверждения своих слов ссылается на ее черновик, хранящийся в РГИА (ниже в настоящем исследовании этот архивный источник проанализирован и охарактеризован иначе). Изложение истории с адресами и реакцией на них императора закономерно завершается упоминанием откликов на царскую речь – «Открытого письма к Николаю II» П. Б. Струве и письма Победоносцева к вел. кн. Сергею Александровичу¹.

В жизнеописании вел. кн. Сергея Александровича, автором которого является Д. М. Софьин, говорится об участии этого брата Александра III и его жены, вел. кн. Елизаветы Федоровны, в поддержании тайных отношений взаимной симпатии между цесаревичем Николаем и принцессой Алисой Гессенской. Исследователь отмечает, что когда «закулисная деятельность» царского брата и его жены «по устройству брака престолонаследника» стала известна императору и императрице, то последняя «имела резкое объяснение с братом мужа». Правда, это утверждение приводится без ссылок на источники. Историк считает поездку в Кобург в апреле 1894 г., во время которой произошла помолвка наследника и его избранницы, инспирированной Александром III и Марией Федоровной, которые, как утверждает автор, «позволили» сыну поехать в Германию «для личного объяснения с принцессой Алисой» и «чтобы окончательно разрешить сложившуюся ситуацию». (Под последним утверждением надо понимать ситуацию с неготовностью Алисы переходить в православие и нежеланием императора и императрицы видеть ее своей невесткой.) Д. М. Софьин считает Сергея Александровича «ближайшим и доверенным советником» Николая II. Московский генерал-губернатор «неизменно укреплял молодого монарха в стремлении следовать твердому консервативному курсу», и царь «часто обсуждал с дядей важные государственные вопросы». Это утверждение автор также делает без ссылок на источники, правда, тут же приводит (однако без комментариев) слова И. В. Лукоянова, что Сергей Александрович не был для Николая II «политическим гуру».

¹ *Мультипули П. В.* Император Николай II. Человек и монарх. М., 2016. С. 74–93, 109–129, 136–154.

Говоря о выступлении Николая II 17 января 1895 г., историк сообщает, что проект царской речи написал Победоносцев, а затем отослал текст «на рассмотрение» Сергея Александровича в Москву¹.

И. Е. Барыкина оценивает первые месяцы царствования Николая II в контексте реформ государственного управления, а также в ходе институционального строительства и общих модернизационных перемен пореформенного периода. Исследовательница констатирует наличие конституционалистских идей в поданных на высочайшее имя в конце 1894 – начале 1895 г. адресах и при этом делает важное замечание, что заявление принципиального политического курса в речи 17 января 1895 г. вовсе не означало предъявления программы, которая охватывала бы основные вопросы государственной жизни. Такая программа была сформулирована лишь к началу XX в. Автор следует сложившейся историографической традиции и считает опубликованную Ю. Б. Соловьёвым записку о самодержавии написанной Победоносцевым именно для Николая II. Историк со ссылкой на дневник Ламздорфа приводит важную для характеристики будущего императора деталь – о его не согласованном с отцом голосовании в Государственном совете в конце 1889 г. по вопросу о приговорах земских начальников. Чрезвычайно важным замечанием в контексте проблематики настоящего исследования является свидетельство И. Е. Барыкиной, что обнародование официальных бюллетеней в октябре 1894 г., в которых сообщалось о состоянии здоровья Александра III, явилось «уступкой самодержавной власти требованиям времени»: на основании этих публикаций «население империи могло судить о приближении нового царствования»².

Книга К. А. Соловьёва посвящена разбору феномена пореформенного самодержавия, точнее – самодержавия второй половины пореформенного периода, с воцарения Александра III и до начала политического кризиса в 1905 г. Автор не останавливается на проблематике собственно «длинного 1894-го года», он вообще не выделяет этот период из обозначенной четверти века (1881–1905 гг.), изучаемой им как

¹ *Софьин Д. М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М., 2016. С. 103–104, 106–107.

² *Барыкина И. Е.* Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб., 2018. С. 88–90, 201, 209–210.

нечто цельное и единое. Однако историк все же затрагивает некоторые вопросы, которые имеют непосредственное отношение к эпохе перемены царствований в 1894 г. и к началу 1895 г.

Любопытно приводимое К. А. Соловьёвым наблюдение, что манера милостиво принимать министров, а потом отправлять их в отставку Николай II унаследовал от отца (жаль только, что автор не ссылается на иное объяснение подобного стиля последнего императора у С. С. Ольденбурга, о чем говорилось выше). Несомненно, можно согласиться с утверждением историка, что личность Николая II «трудно понять в рамках элементарной дихотомии: сильный или слабый, волевой или нерешительный», однако следующая из этого констатация («решительность на бумаге» последнего императора «сочеталась с готовностью» «соглашаться с каждым своим собеседником») выглядит слишком обобщенной, приводимых им примеров явно недостаточно для выводимого из нее заключения: «И в этом сын очень походил на отца».

При оценке работоспособности Николая II и его отношения к выполнению управленческих дел, которые никто кроме него не мог реализовать, К. А. Соловьёв высказывает совершенно справедливое предположение, что «царь отмечал в дневнике не всякий день, когда он заслушивал доклады министров», но тут же с опорой на дневниковые записи Николая II заключает, что государь встречался с ними «плотно» лишь в первый год пребывания на престоле, а потом «произошел резкий спад встреч представителей высшей бюрократии с императором». Подобное мнение вряд ли корректно, тем более что сам исследователь убежден в информационной неполноте по этому вопросу царского дневника. В данном случае надежные сведения о министерских докладах императору могут быть почерпнуты только из камер-фурьерских журналов.

Автор отмечает внутреннее сопротивление Николая II необходимости тратить много времени и сил на работу с бумагами и приводит в подтверждение фразы из его дневника¹. Что касается первых месяцев царствования, то эти фразы действительно однотипны и свидетель-

¹ Соловьёв К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 71–72, 77, 81–82.

ствуют о том, что государь с колоссальным трудом привыкал к своему новому качеству, но неверно экстраполировать такое отношение на все его царствование. Тот же дневник, но за последующие годы (в том числе уже в самом конце XIX в.) содержит примеры и совершенно противоположных высказываний по поводу рутинных бумажных дел и докладов.

Последним по времени выхода фундаментальным трудом, в котором рассматриваются события в российской власти в 1894 – начале 1895 г., является монография А. В. Островского «Самодержавие или конституция? На пути к Манифесту 17 октября 1905 г.» – незаконченная и посмертно изданная именно как рабочие материалы к будущей книге.

Историк со ссылкой на публикации (преимущественно в эмиграции) оппозиционных версий о якобы развернувшейся у ора Александра III борьбе за власть, а также на дневник Ламздорфа кратко пересказывает курсировавшие в 1894 г. в общественном мнении толки и делает пометку: «Имели ли эти слухи хоть какое-то основание, мы не знаем, так как до сих пор никто даже не пытался выяснить степень их достоверности». И далее делает себе пометку: «Посмотреть дневники: Владимира Александровича, Воронцова-Дашкова, Киреева, Ксении Александровны, Куропаткина, Михаила Александровича, Половцова, Сергея Александровича, Константина Константиновича и др. Воспоминания: Куломзина». Некоторые из перечисленных материалов, а также другие документы личного происхождения, принадлежащие лицам, которые должны были быть в курсе того, что происходило в последние дни жизни Александра III и в самом начале царствования Николая II, использованы в настоящем исследовании. Из них следует, что сведения, содержащиеся в оппозиционных работах, названных А. В. Островским, не соответствуют действительности.

Автор, критически настроенный к Николаю II, считает, что в первые дни после смерти отца новый император думал только о собственной свадьбе – и ни о чем более. Из событий конца 1894 – начала 1895 г. А. В. Островский рассматривает только историю с адресами и выступлением императора 17 января. Со ссылкой на воспоминания Куломзина автор отмечает, что к подготовке царской речи имел отношение министр внутренних дел Дурново, а сам ее текст подвергся цензуре со стороны Воронцова-Дашкова, а также Победоносцева. Историк упоми-

нает и «Открытое письмо к Николаю II» Струве¹.

Таким образом, историографическая новизна взгляда на «длинный 1894-й год» как определенный, логически цельный и внутренне связанный период очевидна. Автор настоящего исследования неоднократно обращался к этой теме в своих статьях и использовал источники, которые на момент выхода этих статей впервые задействовались для анализа проблем политической истории 1894 – начала 1895 г. Некоторые из таких источников на тот момент еще не были опубликованы. В предлагаемой работе монографического характера учтено введение в научный оборот таких источников, однако этот факт не лишает оригинальности наблюдения и выводы, сделанные в авторских исследованиях предыдущих лет².

¹ *Островский А. В.* Самодержавие или конституция? На пути к Манифесту 17 октября 1905 г. // *Он же.* Россия. Самодержавие. Революция. Т. I. М., 2020. С. 138–139, 151, 154–157.

² См.: *Андреев Д.А.* Духовно-религиозные интерполяции принцессы Алисы Гесенской (великой княжны Александры Федоровны) в дневнике цесаревича Николая Александровича (императора Николая II) за 1894 г.: опыт идентификации и интерпретации // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2011. № 1 (38). С. 60–76; *Он же.* Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // *Российская история.* 2011. № 4. С. 114–125; *Он же.* Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2011. № 2 (20). С. 36–44; *Он же.* Первое министерское назначение Николая II: история принятия решения // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология.* 2011. № 2. С. 5–11; *Он же.* Дело Кривошеина (1894 г.): взлет и падение «ростовского Кречинского» // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2013. № 2. С. 15–32; *Он же.* Было ли «политическое завещание» императора Александра III наследнику цесаревичу Николаю Александровичу? К постановке проблемы // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2019. № 89. С. 97–114; *Он же.* «И вот общественное мнение»: слухи и тексты в борьбе за определение курса нового царствования в конце 1894 – начале 1895 г. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 2020. № 95. С. 33–52; *Он же.* «Несомненно – беда быстро надвигается»: официальная информация и слухи о состоянии здоровья Александра III осенью 1894 г. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2020. № 2. С. 35–55.

Раскрытию нескольких сцепленных друг с другом проблем помогло использование разнообразной источниковой базы, среди которой на первом месте были документы личного происхождения.

В частности, задействовалась информация из опубликованных и неопубликованных воспоминаний: Д. Н. Любимова, Н. А. Вельяминова, А. Н. Куломзина, вел. кн. Ольги Александровны, П. П. Заварзина, В. Ф. Джунковского, вел. кн. Николая Михайловича, С. Д. Урусова, В. П. Обнинского, А. А. Савельева, С. Ю. Витте, А. Н. Мосолова, В. П. Мещерского, И. И. Колышко, А. С. Путилова, Ф. И. Фейгина, вел. кн. Александра Михайловича, Л. А. Тихомирова, П. Ф. Алисова, В. А. Маклакова, В. И. Герье, Л. Ф. Пантелеева, В. И. Гурко, П. Б. Струве, Ф. И. Родичева, А. А. Кизеветтера. Из них данные из неопубликованных воспоминаний А. Н. Мосолова, А. С. Путилова и Ф. И. Фейгина применительно к данной теме были использованы впервые.

Рассмотрены опубликованные и неопубликованные дневники: Николая II, А. А. Половцова, Ив. Ил. Воронцова-Дашкова, С. Д. Шереметева, вел. кн. Сергея Александровича, вел. кн. Георгия Александровича, вел. кн. Ксении Александровны, В. Н. Ламздорфа, А. В. Богданович, К. П. Победоносцева, Н. В. Султанова, вел. кн. Константина Константиновича, А. А. Киреева, В. В. фон Валя, Д. А. Милютина, М. О. Гершензона. Из них впервые в научный оборот введены сведения из неизданных дневников Ив. Ил. Воронцова-Дашкова, С. Д. Шереметева, А. А. Киреева, вел. кн. Ксении Александровны, А. В. Богданович, К. П. Победоносцева, Н. В. Султанова, В. В. фон Валя.

Опубликованные и неопубликованные эпистолярные источники представлены переписками К. П. Победоносцева с его корреспондентами (вел. кн. Сергеем Александровичем, Ил. Ив. Воронцовым-Дашковым, Е. М. Феоктистовым, П. С. Ванновским), вел. кн. Михаила Николаевича с сыном – вел. кн. Александром Михайловичем, Ил. Ив. Воронцова-Дашкова с женой – Е. А. Воронцовой-Дашковой, Т. И. Филиппова с сыном – С. Т. Филипповым, А. А. Киреева с С. А. Петровским, А. А. Голенищева-Кутузова с Л. А. Тихомировым. Некоторые из названных эпистолярных источников также прежде не привлекались для рассмотрения рубежа царствований (переписка К. П. Победоносцева с Ил. Ив. Воронцовым-Дашковым и П. С. Ван-

новским, Ил. Ив. Воронцова-Дашкова с Е. А. Воронцовой-Дашковой, Т. И. Филиппова с С. Т. Филипповым, А. А. Голенищева-Кутузова с Л. А. Тихомировым).

Особое значение при написании работы имели сборники публикаций документов личного происхождения «Николай и Александра. Любовь и жизнь [Об императоре Николае II и императрице Александре Федоровне. Повесть в письмах, дневниках и воспоминаниях]» (подготовлен А. Мейлунасом и С. В. Мироненко), «Великая княгиня Елисавета Федоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.)» (составители – А. Б. Ефимов и Е. Ю. Ковальская) и две книги (за периоды 1884–1894 гг. и 1895–1899 гг.) «Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы» (составитель, автор вступительных статей и комментариев – И. В. Плотникова).

Столь разноплановая по своему содержанию документальная база, дополненная данными из камер-фурьерских журналов, периодической печати, произведений художественной литературы и прочих источников, позволила достаточно подробно реконструировать события января 1894 г. – января 1895 г., или «длинного 1894-го года» Российской империи.

Заключение

Исследовательские оценки личности последнего российского императора Николая II, его манеры царствовать, общаться с ближайшим окружением и принимать управленческие решения в той или иной степени по-прежнему остаются в плену старых стереотипов. Отчасти причиной подобного положения является политическая злободневность восприятия эпохи конца XIX – начала XX в. Но главным образом такая инерция научных интерпретаций объясняется тем, что фундаментальное критическое переосмысление документального наследия (в том числе и известного), характеризующего Николая II, пока еще не началось. В результате попытки продемонстрировать новое понимание ключевых событий царствования неизбежно апеллируют к архаичным объяснениям. Чтобы этого избежать, необходимы детализированная контекстуализация фактов и событий на основе как можно более репрезентативной источниковой базы и отказ от их рассмотрения в фокусировке фактов и событий более поздних, обусловленных совершенно другими причинами и встроенных в принципиально иную ситуацию. Ретроспективный анализ в историческом исследовании может быть результативным, но он также чреват умножением историографических штампов, далеких от действительности.

Предпринятая реконструкция событий «длинного 1894-го года» Российской империи показывает, что недопустимо оценивать поведение и поступки наследника цесаревича Николая Александровича и императора Николая II, исходя из более поздних стереотипов, сформировавшихся преимущественно уже в эпоху публичной политики и гласности, то есть в ходе политического кризиса 1905–1906 гг. и в более поздний период.

По-видимому, на момент вступления на престол Николай II обладал наименьшим бюрократическим опытом из всех государей начиная

с Павла I. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что его отец, император Александр III, явно не торопился с привлечением своего старшего сына к государственным делам. Такая позиция императора была обусловлена, по-видимому, тем, что он сам лишь в двадцатилетнем возрасте стал наследником престола после смерти своего старшего брата Николая, но несмотря на это за 16 последующих лет сумел набраться достаточного опыта и квалификации, чтобы после убийства отца быстро войти в курс основных дел государственного управления. Однако подобная установка Александра III не привела к возвращению в его наследнике отращения к исполнению державных обязанностей. У цесаревича Николая на 20 октября 1894 г. не было необходимого опыта, но вместе с тем имелось очевидное, ярко выраженное желание работать. Тем более он был лишен какой бы то ни было «властебоязни», которая в принципе никак не увязывалась с его общим провиденциалистским жизненным настроем.

Каким бы образом ни решался вопрос с «политическим завещанием» Александра III, независимо от того, было ли оно или его не было (хотя реконструкция месяца пребывания императорской семьи в Ливадии в конце сентября – октябре 1894 г. показывает, что его скорее всего не было, во всяком случае, в некоей традиционной форме), личная психологическая готовность царствовать у Николая, несомненно, имелась, а отсутствие надлежащего опыта (публичных выступлений и общения с высокопоставленными подчиненными) быстро восполнялось.

Непубличность наследника Николая Александровича вкупе со стремительным ухудшением состояния Александра III в Ливадии, в результате чего император утратил возможность не только исполнять рутинные рабочие функции, но и контролировать свое окружение, привели к тому, что и в высших сферах, и в широких кругах общественности стали нарастать неопределенность и тревога относительно будущего страны. Множились слухи, вынуждавшие находить между строк официальных правительственных сообщений некий потаенный смысл. Разделение обитателей ливадийской императорской резиденции на две партии (ориентировавшихся соответственно на императрицу Марию Федоровну и министра императорского двора Ил. Ив. Воронцова-Дашкова), которые конкурировали друг с другом за возможность определять информационную политику относительно транслирования

сведений о здоровье государя, – привело к многочисленным нестыковкам в формировании представления о стабильности и незыблемости верховной власти. Стали высказываться версии о возможности некоей иной схемы наследования, не предусмотренной законодательством Павла I 1797 г. Разумеется, такого рода предположения были лишены оснований, однако впоследствии они внесли свою лепту в формирование оппозиционных настроений и дискредитацию самодержавия со стороны его радикальных критиков.

Как показали первые шаги молодого императора, его недостаточная готовность к царствованию была именно профессиональной, но никак не психологической, как это следует из наиболее распространенных историографических штампов. По возвращении в столицу из Ливадии Николай II последовательно демонстрировал деловитость, желание работать, при этом его явная недостаточная «квалификация» была либо незаметна вовсе, либо отмечалась лишь самым близким окружением. Вместе с тем то обстоятельство что Николай II, несмотря на нехватку управленческих навыков, довольно быстро исправил эту ситуацию, вошел в рутинный ритм царского администрирования и с внешней стороны никоим образом не отличался от своих предшественников на престоле, было обусловлено не столько его способностями, сколько системой самодержавной власти, которая подстраивалась под индивидуальные особенности каждого первого лица и в целом справлялась, тем более в невоенное и относительно стабильное время, с управленческими функциями.

Николай II стал единственным представителем дома Романовых послепавловской эпохи, который вступил на престол неженатым. Это обстоятельство повлияло на формирование представлений о нем в общественном мнении, причем в рассматриваемый период – исключительно благоприятным образом.

Отношения Николая с невестой, а потом с женой, выраженные специфическим образом – через систему аллегорий, иносказаний и условных обозначений, – отражаются в интерполяциях Алисы Гессенской, а затем Александры Федоровны на страницах дневника Николая и одновременно являются иллюстрацией основных событий насыщенного переменах 1894 г.

В политической системе Российской империи, особенно начиная с рубежа XVIII–XIX вв., кадровые решения нового самодержца имели особое политическое значение. При отсутствии публичной политики они выступали маркерами нового правления, задавали внутривнутриполитический курс и способствовали формированию в общественном мнении более точных представлений о фигуре монарха и возможных перспективах всего его царствования. Однако кадровые решения всегда двуедины, они предполагают одновременное (или незначительно растянутое во времени) принятие решений об отставках должностных лиц, ассоциирующихся с эпохой прежнего государя, и назначениях на освободившиеся в результате этих отставок места новых фигур. Как правило (во всяком случае, кадровая политика императоров начиная с Павла I была именно такой), назначения оказывались более знаковыми и символически наполненными, нежели предшествовавшие им отставки.

В случае с Николаем II все произошло ровно наоборот. Отставка министра путей сообщения Кривошеина, имевшего и в профессиональной среде, и в общественном мнении самую неблагоприятную репутацию, произвела сильный резонанс и способствовала усилению популярности молодого монарха. Более того, это решение имело очевидный политический подтекст и должно было укрепить в чиновничьей среде мнение, что Николай II будет вести себя с ней столь же принципиально и жестко, как это делал его отец. Нельзя сказать, что назначение на этот пост Хилкова (хотя и профессионала высочайшего уровня, но вместе с тем являвшегося креатурой вдовствующей императрицы) сработало прямо противоположным образом. Но оно, несомненно, «смазало» сильный пропагандистский эффект от отставки Кривошеина. На примере обоих этих кадровых решений обозначился поведенческий стереотип Николая II, которому он будет следовать на протяжении всего последующего царствования. Этот стереотип заключался в том, что императору не хватало последовательности в действиях. Он мог быть инициативным и самостоятельным, принимать решения, не считаясь ни с чьим мнением, но затем остывал и с готовностью соглашался на ту или иную подсказку.

Имеющиеся источники не позволяют с определенностью заключить, что речь 17 января 1895 г. сознательно, планомерно и последовательно готовилась Николаем II как своего рода идеологический

манифест всего его царствования, призванный положить конец нараставшим в общественном мнении и прессе ожиданиям либеральных послаблений. Однако совершенно ясно и то, что выступление императора было для него вполне выношенным и продуманным шагом. Другое дело, что он в данном случае оказался именно исполнителем сценария, который от начала и до конца продумал Победоносцев.

С восшествия на престол его воспитанника в жизни обер-прокурора Святейшего Синода обозначился явный подъем, вызванный особым расположением к нему Николая II из-за четкой позиции, которую Победоносцев занял в вопросе о женитьбе наследника на принцессе Алисе Гессенской. Готовя ответ депутациям, а в их лице – всем легальным силам, которые лелеяли надежды на возвращение к курсу Александра II, Победоносцев одновременно решал и вполне конъюнктурный вопрос дискредитации министра внутренних дел Дурново и выставления его в неблагоприятном свете перед императором. Таким образом, речь императора 17 января 1895 г. подводила черту под «длинным 1894-м годом» не только потому, что четко обозначала идеологические ориентиры нового царствования, но и потому, что оказалась косвенным образом вплетенной в интригу против действующего главы МВД, завершившуюся его отставкой и назначением на это место Горемыкина. Министерство Горемыкина – это уже совершенно определенно новая страница в политической истории России конца XIX в.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	5
Введение	6
Г л а в а 1. Бюрократический опыт и навыки державного поведения наследника цесаревича. Вопрос о «политическом завещании» Александра III.	32
Г л а в а 2. Междувластие октября 1894 года в восприятии представителей правительственных верхов и общественности.	69
Г л а в а 3. Император и его окружение в конце 1894 года. Алиса Гессенская (Александра Федоровна) в дневнике Николая	88
Г л а в а 4. Первые кадровые решения нового императора – отставка и назначение министра путей сообщения	127
Г л а в а 5. Ориентиры нового царствования: от идеологической неопределенности к «бесмысленным мечтаниям».	168
Заключение	212
Источники и литература	217
Указатель имен	225

Научное издание

Андреев Дмитрий Александрович
САМОДЕРЖАВИЕ НА ПЕРЕЛОМЕ:
1894 ГОД В ИСТОРИИ ДИНАСТИИ И ВЛАСТИ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Печатается с готового оригинал-макета

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», М. Гнездиковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэграсс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 14,6. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №